

И. К. Кудрявцева

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НИЗОВЫХ ФОРМ КУЛЬТУРЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ю. УЭЛТИ

Низовые, зрелищные формы культуры традиционно играли важную роль в материальной и духовной жизни Юга США. На протяжении XIX и большей части XX вв. в южных штатах был высок процент малообеспеченного и малограмотного населения, преобладали сообщества закрытого типа, уровень миграции в регион был низким. Торговые ярмарки, балаганы, передвижные цирки, представления диковинных людей-уродцев являлись событиями крупного масштаба и привлекали массы людей, стремившихся увидеть нечто, выходящее за рамки привычных ограничений. Данный феномен получил отражение и в южном художественном дискурсе. Так, в ряде произведений американской писательницы-южанки Юдоры Уэлти (Eudora Welty, 1909–2001), обладательницы Пулитцеровской премии и других престижных литературных наград, фигурирует такая форма низовой культуры, как «sideshow», т.е. демонстрация людей с аномалиями физического или психического развития (уродцев, «фриков»). Однако у Уэлти, тяготеющей в своем творчестве к субъективно-психологической художественной парадигме, шоу «фриков» изображается не непосредственно, а в восприятии героя, что позволяет ей затронуть целый комплекс социальных и психологических проблем.

Обратимся к рассказам Ю. Уэлти «Окаменелый человек» («Petrified Man») и «Дева Охра, краснокожая изгнанница» («Keela, the Outcast Indian Maiden») из сборника рассказов «Зеленый занавес» («A Curtain of Green», 1941). В рассказе «Окаменелый человек» основное действие разворачивается в салоне красоты в провинциальном южном городке. Главными темами разговоров между парикмахершей Леотой и ее постоянной клиенткой миссис Флетчер являются новая знакомая Леоты, миссис Пайк, а также впечатления Леоты от их с миссис Пайк посещения павильона диковинок, среди экспонатов которого были заспиртованные близнецы, пигмеи и окаменелый человек. Однако восхищение разворотливостью и прозорливостью ее новой подруги сменяются у Леоты обидой и разочарованием, когда миссис Пайк опознает в окаменелом человеке преступника и получает денежное вознаграждение, хотя журнал с объявлением о розыске преступника и сама идея сходить поглядеть на «уродцев» принадлежали именно Леоте.

При всех внешних различиях салон красоты и павильон диковинок объединяет пристальное внимание к человеческому телу, маркированному как совершенное и привлекательное либо как уродливое, отталкивающее, выходящее за рамки нормативности. Отождествляя изъяны человеческого тела с умственной и социальной неполноценностью и подчеркивая собственное расовое и классовое превосходство, Леота и миссис Флетчер проводят четкую границу между этими локусами, однако Уэлти выявляет непрочность границ и категоризаций. Не случайно миссис Флетчер расстраивается, когда Леота дает ей понять, что догадалась о ее беременности, ведь тело миссис Флетчер скоро изменится, станет несовершенным, и она сама перейдет

в категорию «фриков». В то же время разглядывание уродцев дает женской аудитории возможность перенаправить на них собственные страхи и сомнения, а также табуированные желания и фантазии. Лесли Фидлер, отмечая социальную и психологическую функции шоу «фриков», пишет о терапевтическом эффекте разглядывания человеческих диковинок: «фрик» уверяет смотрящих, что не они, а он является уродцем, таким образом пробуждая и одновременно «усыпляя» их сомнения и страхи (Fiedler, L. *Freaks: Myths and Images of the Secret Self*. Harmondsworth and N. Y.: Penguin, 1978. – P. 31). В то же время в парадигме «автор–текст–читатель» именно Леота, миссис Пайк и миссис Флетчер функционируют как гротескные фигуры, «фрики», так как обмениваясь мнениями по вопросам семьи, брака, воспитания детей, дружбы, денег, они демонстрируют уродство иного толка – примитивизм и узость мышления, снобизм и меркантильность.

Дихотомия видимого и сущностного актуализируется и в рассказе «Дева Охра, краснокожая изгнанница». Ли Рой, пожилой афроамериканец небольшого роста с изуродованной ступней, был когда-то силой увезен из местечка Кейн-Спрингс в Миссисипи владельцем бродячего цирка и выставлялся в качестве кровожадной индейской женщины Килы. Для этого Ли Рой был загримирован, облачен в красное платье и помещен в клетку; его били и заставляли рычать, угрожающе трясти железной палкой и есть живьем цыплят. Все это продолжалось, пока один из белых посетителей аттракциона не подошел ближе к клетке и не раскрыл обман, после чего Килу/Ли Роя отпустили. Об этом читатель узнает от Стива, который работал зазывалой у клетки с Килой и был потрясен, когда узнал правду. С тех пор он одержим идеей найти Килу/Ли Роя. К дому Ли Роя в Кейн-Спрингс Стива приводит Макс, владелец местного кафе.

Ряд исследователей творчества Уэлти усматривают значимость образа Килы/Ли Роя в воплощении физического, психологического и социально-экономического угнетения афроамериканцев на Юге, а в трансформации Ли Роя в Килу – попытку белой патриархальной культуры стереть расовую и гендерную идентичность мужчины-афроамериканца, сделать его не только невидимым, но и не существующим. В других исследованиях освобождение Килы/Ли Роя наделяется аллегорическим смыслом и соотносится с освобождением рабов, а стремление Стива постоянно рассказывать о Киле/Ли Рое, искать его – с мотивом вины белых южан, порожденной ужасающим осознанием того, что их расовое превосходство было основано на эксплуатации и угнетении темнокожих. Однако акцент в рассказе постепенно смещается с проблемы межрасовых взаимоотношений в сферу психических феноменов. Уже находясь рядом с Килой/Ли Роем, Стив практически не обращает на него внимания, говорит о нем, используя местоимение «it» (*англ.* «оно»). Представляется, что его угнетает не только бесчеловечная сущность аттракциона с Килой, но и то, что он был частью обмана и сам в него поверил. Его психика травмирована тем, что реальность оказалась иллюзией, что граница между ними проницаема, что существует множество интерпретаций реальности, а социальная идентичность является конструктом. Как и Леота, для

читателя Стив с его дестабилизированной психикой и настойчивой потребностью выговориться становится своего рода «фриком», переходя из категории зрителя шоу в его героя.

Как вспоминала Уэлти в одном из интервью, рассказ был написан после того, как на одной из ярмарок она услышала историю об афроамериканце, которого владельцы передвижного балагана заставляли есть живьем цыплят (Conversations with Eudora Welty; ed. by P. W. Prenshaw. Jackson: Univ. Press of Mississippi, 1984. – P. 178–179). Однако в рассказе Уэлти владельцы Ли Роя, чтобы создать образ «примитивного дикаря», типичного участника подобных шоу, изменяют его расовую и гендерную принадлежность, что отражает, с одной стороны, стереотипные представления о примитивности и жестокости индейцев, а с другой – страхи по поводу распада традиционных патриархальных и расовых структур, остро ощущавшиеся на Юге в первой половине XX века. Таким образом, писательница привлекает внимание не только к проблемам дегуманизации личности в рамках шоу «фриков» и отсутствия у афроамериканцев гражданских прав, но и к самому процессу конструирования инаковости. Для Уэлти Кила – символический угнетаемый Другой, будь то индеец, афроамериканец или женщина. В рассказе также рассматриваются социальные и психологические функции нарратива, его способность уничтожить одну идентичность и создать другую: в тексте Стива-зазывалы Кила был социально, гендерно и культурно задан, и посетители шоу видели то, что ожидали увидеть; с другой стороны, эмоциональный рассказ Стива о Киле – попытка с помощью нарратива упорядочить опыт, наделить его смыслом и таким образом освободиться от него.

Образ самого Ли Роя амбивалентен. Он произносит всего несколько слов, однако с интересом прислушивается к рассказу Стива, оживленно жестикулируя, что позволило ряду критиков высказать мнение о том, что именно в роли «фрика» Ли Рой когда-то ощущал себя сильным и значимым. Представляется скорее, что Ли Рою удалось отделить себя от Килы и таким образом пережить травматичный опыт, который остался в прошлом. Кроме того, мнение Ли Роя не интересует ни Макса, ни Стива, так что теперь уже Ли Рой занимает позицию зрителя, увлеченного следящего за происходящим. Несомненно одно: создавая сложный, многогранный образ Ли Роя, Уэлти подчеркивает уникальность его жизненного опыта и опровергает расистские стереотипы.

Таким образом, в произведениях Ю. Уэлти ярмарки, шоу «фриков» имеют сюжетообразующую и характерологическую функции, служат созданию яркой картины южного общества с его нравами, бытом, ценностями, социальными иерархиями. Уэлти выводит на первый план контраст между видимым и сущностным и усложняет повествование психологией воспринимающего субъекта. Она раскрывает механизмы конструирования классовой, расовой, гендерной идентичности и обращается к проблеме объективации человеческого (афроамериканского, женского) тела в южной культуре, при этом в повествовании наблюдается смысловое движение от аномалий физических к аномалиям социальным и нравственным.